

М.Г. Мяжков, Т.А. Кубрак, В.В. Латынов, Ю.О. Мундривская

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60301.

Рассматриваются психологические предпосылки, последствия и возможности коррекции конспирологических убеждений, касающихся COVID-19. Определены социально-демографические и индивидуально-психологические факторы, благоприятствующие появлению у человека подобных убеждений. Выявлены эффекты их влияния на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией. Рассмотрены стратегии и конкретные приемы, используемые для противодействия конспирологическим теориям COVID-19.

Ключевые слова: конспирологические убеждения; конспирологические теории; COVID-19; пандемия; недостоверная информация; социальное дистанцирование.

Введение

Пандемия коронавируса, оказывая существенное влияние на различные сферы жизни общества, сопровождается и мощным информационным полем. Речь идет, в частности, о так называемой инфодемии, т.е. быстром и неконтролируемом распространении разнообразной, часто необоснованной информации о коронавирусе, вызывающей негативные социальные и психологические последствия. Одним из эффектов инфодемии является внедрение в массовое сознание конспирологических теорий, т.е. концепций, объясняющих причины появления и масштабы пандемии действием определенных групп лиц.

Существуют различные конспирологические теории пандемии COVID-19. Можно выделить две их основные группы. К первой относятся теории, ставящие под сомнение сам факт пандемии или преуменьшающие ее опасность и масштабы («Пандемия коронавируса – это не более чем миф, а ее масштабы намеренно преувеличены»), «Опасность коронавируса сильно преувеличена»). Во вторую группу входят теории, затрагивающие вопросы появления коронавируса и закономерности его распространения: «Коронавирус был создан в США в секретной лаборатории Пентагона», «Коронавирус разработан китайскими учеными», «Работа сетей 5G влияет на иммунитет человека, из-за чего люди становятся уязвимыми к коронавирусной инфекции» и т.п.

Конспирологические теории пандемии довольно широко распространены в мире. Например, проведенный в США опрос показал, что тезис «Опасность коронавируса преувеличена противниками президента Д. Трампа» получил одобрение 29% опрошенных, а «Коронавирус был целенаправленно создан и выпущен на волю определенной группой лиц» – 31% [1]. В России многие люди также разделяют конспирологические убеждения в отношении COVID-19. Так, в ходе опроса, проведенного в феврале 2021 г., большинство респондентов (64%) заявили, что коронавирус – новая форма биологического оружия, которую создали искусственно, и только 23% опрошенных посчитали, что вирус возник естественным путем, без вмешательства человека (еще 13% затруднились с ответом) [2].

Активную роль в распространении информации о конспирологических теориях играют социальные сети [3, 4]. Это неудивительно, поскольку именно социальные сети (в отличие от традиционных СМИ) в настоящее время являются основным источником «альтернативного», а нередко и асоциального контента [5–7].

Наличие у человека касающихся COVID-19 конспирологических убеждений приводит к различным негативным последствиям: отвержению информации о пандемии, поступающей из авторитетных и компетентных источников; отказу от выполнения набора мер, рекомендуемых ВОЗ в качестве защиты от заражения; негативному отношению к вакцинации [1, 8].

Многообразные негативные последствия веры в конспирологические теории стимулируют их активное изучение. К настоящему времени по данной проблематике проведено значительное количество исследований, затрагивающих три основных вопроса: какие факторы провоцируют появление у людей конспирологических убеждений; какое влияние эти убеждения оказывают на поведение, связанное с пандемией коронавируса; каким образом можно осуществлять коррекцию конспирологических убеждений. Мы в данной статье последовательно рассмотрим три указанных вопроса.

Предпосылки формирования конспирологических убеждений в отношении COVID-19

Проведенные в течение 2020–2021 гг. исследования позволили выявить разнообразные социально-демографические и индивидуально-психологические факторы, благоприятствующие появлению у человека конспирологических убеждений, касающихся пандемии.

В ряде работ показано, что у молодых людей сильнее выражена вера в конспирологические теории [8, 9]. Вместе с тем сообщается и о противоположных результатах: большем интересе пожилых к таким теориям [10]. Что касается пола, то и здесь нет полной ясности в отношении его роли в приобщении к конспирологическим теориям: по данным одних исследований в такие теории чаще верят женщины [10, 11], а по данным других – мужчины [12]. Нередки случаи,

когда половых различий вообще обнаружить не удастся [8, 9].

Таким образом, к настоящему времени определенных закономерностей, касающихся взаимосвязи пола и возраста с конспирологическими убеждениями, не обнаружено.

В отношении того, как влияет уровень дохода и образования на веру в конспирологические теории, определенности больше. Установлено, чем ниже доход и уровень образования человека, тем более он склонен разделять подобные теории [8, 10].

Перейдем к рассмотрению индивидуально-психологических характеристик, способствующих формированию у людей конспирологических убеждений, связанных с COVID-19. Наличие подобных убеждений часто сочеталось с переживанием тревоги, неопределенности, чувством беспомощности [13, 14]. Находясь в негативном эмоциональном состоянии, человек оказывается особенно восприимчив к альтернативным объяснениям происходящего.

Вера в конспирологические теории – один из способов, при помощи которого люди пытаются справиться с ситуацией неопределенности, вызванной пандемией. Столкнувшись с такой ситуацией, они стараются сформировать собственное понимание случившегося и отношение к нему. Неслучайно популярность конспирологии возрастает именно в периоды кризисов [15]. Хотя конспирологическая теория и отличается от общепринятой версии событий, однако человеку, в нее верящему, она дает ответы на многие вопросы, позволяет вернуть контроль над ситуацией, создает основу для прогноза будущих событий.

Наряду с текущим психологическим состоянием свой вклад в развитие у человека конспирологических убеждений вносят и его устойчивые индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитюдов).

Получены данные, свидетельствующие о влиянии личностных черт на активность приобщения к конспирологическим теориям. Интересно, что черты «большой пятерки» и «большой шестерки» (модель HEXACO) довольно слабо коррелировали с наличием у человека конспирологических убеждений в отношении COVID-19 [16]. Значимые корреляции подобных убеждений отмечались только с экстраверсией (чем ее значения были выше, тем сильнее была вера в конспирологические теории) и такой чертой из модели HEXACO, как честность (при ее высоких значениях люди реже имели конспирологические убеждения) [16].

Существенно больше значимых взаимосвязей было обнаружено между конспирологическими убеждениями и чертами так называемой «темной» тетрады (макиавелизмом, психопатией, нарциссизмом, садизмом) [17]. Особенно сильным на приобщение к конспирологическим теориям было влияние такой черты, как психопатия. Вере в конспирологические теории способствовало и наличие у человека импульсивности и низкого уровня межличностного доверия [11, 18].

Помимо личностных особенностей, люди с конспирологическими убеждениями о пандемии облада-

ют и специфическими характеристиками когнитивной сферы психики [8, 11, 14]. Вере в конспирологические теории пандемии благоприятствует, в частности, наличие у человека так называемых эпистемологически сомнительных убеждений (*epistemically suspect beliefs*), т.е. таких представлений о мире, которые идут «вразрез» с данными современной науки [19]. Принято выделять три вида подобных убеждений: паранормальные, конспирологические, псевдонаучные [19]. Установлено, что люди, придерживающиеся конспирологических убеждений в отношении коронавируса, как правило, склонны верить и другим, тематически не связанным с пандемией, конспирологическим теориям [8]. Кроме того, они разделяют разного рода псевдонаучные убеждения и допускают существование паранормальных явлений [14].

Эти результаты свидетельствуют о существовании мировоззренческих оснований повышенной восприимчивости к конспирологическим теориям COVID-19. Люди, поверившие в эти теории, как правило, ранее уже имели и другие неподтвержденные наукой представления об окружающей действительности. Возможно, именно из-за наличия у них несколько иррациональной картины мира конспирологические теории пандемии достаточно легко ими принимались и рассматривались в качестве достоверных.

Вера в конспирологические теории сочетается с ориентацией на консервативные ценности (моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам), низким институциональным доверием и социальным цинизмом, т.е. с убеждением в несправедливом устройстве общества [20].

Кроме мировоззренческих особенностей, люди с конспирологическими убеждениями, касающимися пандемии, обладают и специфическим стилем мышления. Так, они склонны при принятии решений опираться на интуицию, обладают слабо развитыми аналитическими способностями, оценка которых проводилась при помощи Теста когнитивной рефлексии [11, 16].

Для людей с конспирологическими убеждениями в отношении пандемии характерен низкий уровень базовых научных знаний, а также скептическое отношение к науке в целом [21]. Подобное отношение к науке оказалось связано и со склонностью человека распространять в социальных сетях конспирологические теории и другие недостоверные сведения, связанные с пандемией [22]. Кроме того, чем ниже была информированность людей о коронавирусной инфекции, тем чаще они придерживались конспирологических убеждений [21].

Носителям конспирологических убеждений о COVID-19 присущ низкий уровень доверия к институтам власти, международным организациям, органам здравоохранения [8, 9].

За повышенную восприимчивость людей к конспирологическим теориям ответственны не только индивидуальные (содержательные и стилевые) психологические характеристики, но и особенности их социального Я и групповой идентичности. Дело в том, что подобные теории постулируют наличие ответственных за пандемию групп лиц, угрожающих тем

самым существованию верящего в такие теории человека и его близких. Осознание факта наличия враждебной аут-группы приводит к актуализации механизмов межгруппового сравнения и оценивания. Так, было показано, что высокий уровень коллективного нарциссизма (представлений о превосходстве своей группы над другими) у человека благоприятствует принятию им конспирологических теорий [23].

Обнаружены устойчивые взаимосвязи конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, с политической идентичностью людей. В США, например, республиканцы существенно чаще имели подобные убеждения [1]. Сторонники республиканской партии не просто придерживались конспирологических убеждений, но и обнаруживали специфическое коммуникативное поведение в социальных сетях по вопросам, связанным с пандемией. Они сообщали о большей готовности распространять конспирологические теории COVID-19, чаще репостили такие сообщения, обнаруживали большее доверие к социальным сетям как источнику информации о пандемии [3, 22].

Исследования, проведенные в других странах, также продемонстрировали роль политической идентичности в приобщении к конспирологическим теориям. Сходные с США закономерности были обнаружены в Турции и Бразилии: сторонники таких теорий, как правило, идентифицировали себя с правым, консервативным крылом политического спектра [11, 24].

Таким образом, можно говорить о многообразии факторов, способствующих принятию человеком конспирологических убеждений в отношении COVID-19. К такого рода факторам относятся уровень образования, материальное положение, текущее психологическое состояние человека, его стабильные индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитюдов), особенности социальной идентичности.

Поведенческие эффекты конспирологических убеждений в отношении COVID-19

Конспирологические убеждения, касающиеся COVID-19, оказывают влияние на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией: выполнение правил гигиены и норм социального дистанцирования, покупательское поведение, следование псевдонаучным практикам профилактики и лечения коронавирусной инфекции [8, 10, 25].

Яркий пример негативного влияния конспирологических теорий на поведение людей представлен в статье Н. Айзенмана с соавт. [26]. Ее авторы постарались выяснить, как воздействовали на соблюдение людьми норм социального дистанцирования публичные выступления бразильского президента Жаира Болсонару, в которых он принижал риски заражения коронавирусом и советовал избегать изоляции. Для анализа использовалась база данных бразильской компании In Loco, позволяющая получать сведения анонимного характера о местоположении (с точностью до 3 м) 60 млн мобильных устройств. Было обнаружено, что после подобных «ковид-диссидент-

ских» выступлений бразильского президента в тех регионах, где он пользовался поддержкой населения, ощутимо ухудшалось выполнение мер социального дистанцирования (увеличивалось количество людей, отдалявшихся в течение суток от своего дома на расстояние более 450 м).

Предваряя обзор поведенческих эффектов конспирологических убеждений, касающихся пандемии, отметим, что в одних работах использовался общий индекс следования защищающим от COVID-19 рекомендациям, включающий все наиболее часто предлагаемые их варианты, а в других выполнение правил гигиены (мытье рук, использование антисептиков и т.п.) и следование нормам социального дистанцирования рассматривались в качестве двух независимых переменных. Мы акцентируем на этом внимание в силу того, что результаты этих двух групп исследований имеют определенные различия.

В большинстве работ, использующих общий индекс следования «антиковидным» рекомендациям, обнаружено негативное влияние конспирологических убеждений на выполнение ограничивающих распространение коронавируса предписаний [8, 27, 28]. Вместе с тем есть и отдельные примеры, в которых указанная зависимость обнаружена не была [11].

Исследования, в которых влияние касающихся COVID-19 конспирологических убеждений на следование нормам дистанцирования и выполнение правил гигиены анализировалось отдельно, дали интересные, в чем-то неожиданные результаты. Оказалось, что вера в конспирологические теории пандемии препятствовала принятию норм дистанцирования (но не выполнению правил гигиены) [13, 29]. Вместе с тем есть данные о негативном влиянии конспирологических убеждений как на следование нормам социального дистанцирования, так и на выполнение правил гигиены [8].

Обнаружена специфичность влияния различных видов конспирологических убеждений на отношение к профилактическим рекомендациям. По сравнению с теориями искусственного происхождения коронавируса вера в теории, отрицающие существование пандемии и принижающие ее масштабы («Пандемия – это миф»), имела гораздо более сильное негативное влияние на их выполнение [30].

Как мы видим, различные виды убеждений по-разному влияют на соблюдение людьми профилактических рекомендаций. Это указывает на то, что конспирологические убеждения следует рассматривать не как одно целое, а дифференцированно. О специфичности психологического воздействия конспирологических убеждений свидетельствуют и результаты проведенного в Польше исследования [31]. Было установлено, что негативное отношение к китайцам и итальянцам, а также поддержка политики ксенофобии были существенно выше у тех респондентов, которые придерживались определенных конспирологических теорий («пандемия коронавируса специально организована в интересах определенной группы лиц»).

Следует отметить, что нередко негативное влияние конспирологических убеждений на следование «антиковидным» рекомендациям опосредовано про-

межуточными переменными, такими, например, как субъективная оценка опасности COVID-19, доверие к науке, чувство беспомощности [13, 32, 33].

Помимо профилактических рекомендаций, касающиеся COVID-19 конспирологические убеждения влияли и на покупательское поведение: чем более человек был склонен разделять такие убеждения, тем активнее он покупал различные товары (продукты, бензин и др.) [10, 30]. Как и в случае выполнения «антиковидных» рекомендаций, обнаружена специфика влияния различных конспирологических теорий: вера в то, что пандемия – это миф, не способствовала активным закупкам товаров впрок [30].

Вера в конспирологические теории COVID-19 провоцировала использование неэффективных псевдонаучных способов лечения [21, 25]. Выраженное негативное влияние касающихся COVID-19 конспирологических убеждений отмечается в отношении вакцинации [8, 25]. Если вспомнить, какими психологическими особенностями обладают люди с конспирологическими убеждениями, то полученные результаты не выглядят неожиданными. Ведь вакцина – это продукт науки, а к ее возможностям многие конспирологи относятся скептически; понимание механизмов ее действия требует аналитических навыков и научных знаний, которые у них не всегда присутствуют; вакцинация активно пропагандируется органами власти и здравоохранения, которым конспирологи, как правило, не доверяют.

Коррекция связанных с пандемией конспирологических убеждений

Представленные выше данные определенно свидетельствуют о том, что наличие у людей конспирологических убеждений в отношении COVID-19 провоцирует дезадаптивные реакции и затрудняет борьбу с пандемией. Подобное положение вещей делает актуальной проблему коррекции подобных убеждений.

Противодействие конспирологическим теориям (и более широко: недостоверной информации по проблеме пандемии в целом) может осуществляться различными способами. Можно выделить две основные стратегии: превентивную (реализуемую еще до появления недостоверной информации), реактивную (осуществляемую уже после появления такой информации в СМИ и социальных сетях).

Существуют различные варианты реализации превентивной стратегии. Прежде всего можно попытаться ограничить распространение информации о конспирологических теориях COVID-19 в традиционных СМИ и социальных сетях. Тем самым подобная информация не допускается до сознания людей, а значит, не происходит формирования у них конспирологических убеждений. Подобные меры противодействия (удаление заведомо ложных сообщений, сопровождение сообщений с неподтвержденной информацией меткой «непроверенные данные» и др.) довольно активно использовались в социальных сетях. Вместе с тем нельзя сказать, что эти меры были особенно эффективны: подавляющее большинство людей доволь-

но хорошо информировано об основных конспирологических теориях пандемии [2].

Еще один вариант – предупреждение людей о том, что недостоверная информация (в частности, о конспирологических теориях пандемии) может появиться, и им следует внимательно оценивать поступающие сведения с точки зрения их соответствия реальности. Эффективность такого приема изучалась в психологических исследованиях, и были получены обнадеживающие результаты [34]. Применительно к ситуации с пандемией COVID-19 также была продемонстрирована полезность его применения [4]. Респондентов просили оценить, является ли истинным некоторое сообщение, а затем выясняли, готовы ли они поделиться им с другими пользователями в социальных сетях. В контрольной же группе такого предварительного «настроя на истинность» не проводилось. Оказалось, что подобный наводящий вопрос ощутимо повышал точность различения достоверной и недостоверной информации, а также снижал вероятность распространения фейковых сообщений.

Кроме предупреждения о возможном появлении недостоверной информации можно постараться превентивно ее опровергнуть, т.е. сообщить некоторые аргументы в поддержку альтернативной, научно обоснованной точки зрения. При всех плюсах подобного подхода существует опасность информирования о конспирологических теориях тех лиц, которые о них еще не знали.

Интересный способ борьбы с недостоверной информацией был предложен С. Ван дер Линденом с соавт. [35]. Эти ученые разработали специальную компьютерную игру, участники которой выступали в роли авторов фейковых новостей. В процессе игры они осваивали наиболее часто используемые в социальных сетях приемы продвижения недостоверной информации. Предполагается, что человек, ознакомившись в процессе игры с подобными приемами, научится их хорошо распознавать и в реальной жизни, что повысит его устойчивость к воздействию недостоверной информации.

В отличие от превентивной, реактивная стратегия противодействия нацелена на изменение уже сформированных у человека конспирологических убеждений. Это весьма непростая задача, поскольку, как свидетельствуют исследования, они оказываются довольно плотно «встроены» в систему убеждений личности. Дело в том, что процесс восприятия новой (пусть даже и недостоверной) информации осуществляется не механически, путем заполнения некоторой ячейки памяти, а посредством более сложных механизмов, предусматривающих ее интеграцию и согласование с уже имеющимися у человека представлениями об окружающей действительности.

Несмотря на наличие психологических механизмов, препятствующих изменению сложившейся у человека системы убеждений, задача ее коррекции не выглядит неразрешимой. Современная наука накопила значительный массив данных, касающихся закономерностей эффективного психологического воздействия в подобных ситуациях. Речь, в частности, идет об исследованиях, касающихся проблемы опроверже-

ния недостоверной (фейковой) информации. Показано, что можно успешно корректировать уже имеющиеся у человека ложные (в том числе и конспирологические) убеждения [36, 37].

Значимым в данном отношении является вид тактики, используемой для коррекции основанных на недостоверной информации убеждений [37]. Наиболее эффективными тактиками опровержения являлись взаимосвязанность (объяснение того, почему появился конкретный фейк и кому это выгодно), факт-чекинг (ссылка на специальные сайты, содержащие оценки достоверности различных фактов, появляющихся в СМИ и социальных сетях) и апелляция к компетентности (указание на то, что пользующиеся доверием лица или организации считают фейковое сообщение ложным) [37]. Менее эффективными оказываются такие тактики, как консенсус (указание на единодушные специалисты по вопросу, истинность которого ставит под сомнение содержащее недостоверную информацию сообщение) и предупреждение (рекомендация с осторожностью воспринимать информацию, получаемую в социальных сетях).

Изменение убеждений, основанных на недостоверной информации, будет более успешным, если опровержение исходит из того же источника, из которого человек получил эту информацию [38]. Кроме того, имеет значение уровень доверия к источнику ложных сведений. Если этот уровень высок, то такую информацию опровергнуть довольно сложно. Структура «опровергающего» сообщения играет важную роль в успешности опровержения [39]. Оно должно включать не только указание на ложность некоторой информации, но и аргументы в поддержку истинной точки зрения.

Частоту повторения неточной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, также следует учитывать при коррекции не соответствующих реальности представлений. Чем дольше это время и чем чаще повторялась недостоверная информация, тем слабее оказывается эффект опровержения [40].

Важную роль в опровержении недостоверной информации играет направленность познавательной активности человека – получателя «опровергающего» сообщения [36]. Наибольшая эффективность опровержения обнаруживается в тех случаях, когда с помощью специальных приемов (например, наводящих вопросов) удастся побудить человека «хорошенько подумать» над предоставленными ему доказательствами того, что некоторое представление является ложным.

Отметим, что успешная борьба с конспирологическими теориями должна включать широкий круг мероприятий, реализуемых совместными усилиями ученых, общественности и государственных структур. Использование рассмотренных выше приемов и стратегий позволит сделать ее более успешной.

Заключение

Пандемия коронавируса сопровождается активным внедрением в массовое сознание конспирологических теорий, т.е. концепций, объясняющих причи-

ны появления и масштабы пандемии действием определенных групп лиц.

Принятию человеком конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, способствуют разнообразные социально-демографические и психологические факторы: пол, возраст, уровень образования, материальное положение, текущее психологическое состояние человека, его стабильные индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитудов), особенности социальной идентичности.

Конспирологические убеждения в отношении COVID-19 оказывают влияние на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией: выполнение правил гигиены и норм социального дистанцирования, покупательское поведение, следование псевдонаучным практикам профилактики и лечения коронавирусной инфекции.

Обнаружена специфичность влияния различных видов конспирологических убеждений на поведение людей, касающееся пандемии. Одни виды конспирологических убеждений сильнее препятствуют выполнению профилактических рекомендаций, чем другие. Это указывает на то, что конспирологические убеждения следует рассматривать не как одно целое, а дифференцированно. Влияние конспирологических убеждений на следование «антиковидным» рекомендациям опосредовано различными промежуточными переменными (субъективной оценкой опасности COVID-19, доверием к науке, чувством беспомощности).

Можно говорить о двух основных стратегиях противодействия конспирологическим теориям: превентивной, реализуемой до появления конспирологической информации, и реактивной, осуществляемой уже после появления в СМИ и социальных сетях сведений о таких теориях. Реализация превентивной стратегии может проводиться посредством ограничения распространения информации о конспирологических теориях COVID-19, превентивного опровержения таких теорий, формирования у людей навыков обнаружения недостоверной информации.

В качестве значимых факторов эффективности реактивной стратегии противодействия следует упомянуть тип тактики опровержения конспирологической теории, характеристики источника недостоверной информации о теории, структуру опровергающего сообщения, частоту повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, степень и направленность познавательной активности получателя, его взгляды и убеждения.

Несмотря на наличие психологических механизмов, препятствующих изменению сложившейся у человека системы конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, задача их коррекции не выглядит неразрешимой. Современная наука накопила значительный массив данных, касающихся закономерностей эффективного психологического воздействия, что внушает определенный оптимизм в отношении успеха борьбы с конспирологическими теориями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Uscinski J.E., Enders A.M., Klostad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. Why do people believe COVID-19 conspiracy theories? // *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 2020. № 1 (3). URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/why-do-people-believe-covid-19-conspiracy-theories/> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Коронавирус: вакцина и происхождение вируса. М., 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Jiang J., Chen E., Yan S., Lerman K., Ferrara E. Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2, № 3. P. 200–211. DOI: 10.1002/hbe2.202
4. Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. Fighting COVID-19 misinformation on social media : Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention // *Psychological science*. 2020. Vol. 31, № 7. P. 770–780. DOI: 10.1177/0956797620939054
5. Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скул-шутинга) // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 3. С. 90–101. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Matsuta.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Myagkov M., Kashpour V.V., Baryshev A.A., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Distinguishing features of the activity of extreme right groups under conditions of state counteraction to online extremism in Russia // *Region : Regional studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 2019. Vol. 8, № 1. P. 41–74. DOI: 10.1353/reg.2019.0002
7. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) // *Media, War & Conflict*. 2019. Vol. 13, № 4. P. 425–447. DOI: 10.1177/1750635219846028
8. Freeman D., Waite E., Rosebrock L., Petit A., Causier C., East A., Jenner L., Teale A.-L., Carr L., Mulhall S. Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England // *Psychological Medicine*. 2020. Vol. 50. P. 1–30. DOI: 10.1017/S0033291720001890
9. Earnshaw V.A., Eaton L.A., Kalichman S.C., Brousseau N.M., Hill E.C., Fox A.B. COVID-19 conspiracy beliefs, health behaviors, and policy support // *Translational Behavioral Medicine*. 2020. Vol. 10, № 4. P. 850–856. DOI: 10.1093/tbm/ibaa090
10. van Mulukom V. The Role of Trust and Information in Adherence to Protective Behaviors and Conspiracy Belief during the COVID-19 Pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. URL: <https://psyarxiv.com/chy4b/> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. Psychological Correlates of COVID-19 Conspiracy Beliefs and Preventive Measures: Evidence from Turkey // *Current Psychology*. 2020. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-020-00903-0> (дата обращения: 01.04.2021).
12. Casse E.C., Farhart C.E., Miller J.M. Gender differences in COVID-19 conspiracy theory beliefs // *Politics & Gender*. 2020. Vol. 16, № 4. P. 1009–1018. DOI: 10.1017/s1743923x20000409
13. Biddlestone M., Green R., Douglas K. Cultural orientation, power, belief in conspiracy theories, and intentions to reduce the spread of COVID-19 // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59, № 3. P. 663–673. DOI: 10.1111/bjso.12397
14. Srol J., Mikuskova E.B., Cavojoja V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/f9e6p
15. van Prooijen J.-W., Douglas K.M. Conspiracy theories as part of history : The role of societal crisis situations // *Memory studies*. 2017. Vol. 10, № 3. P. 323–333.
16. Lazarevic L., Puric D., Teovanovic P., Knezevic G., Lukic P., Zupan Z. What drives us to be (ir)responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles and conspiracy mentality // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/cgeuv
17. Kay C.S. Predicting COVID-19 conspiracist ideation from the Dark Tetrad traits // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/j3m2y
18. Jovančević A., Milicevic N. Optimism-pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID-19 related behavior – A cross-cultural study // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 167. Art. 110216. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110216
19. Lobato E., Mendoza J., Sims V., Chin M. Examining the relationship between conspiracy theories, paranormal beliefs, and pseudoscience acceptance among a university population // *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28, № 5. P. 617–625. DOI: 10.1002/acp.3042
20. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.20201100407
21. Cavojoja V., Srol J., Ballova Mikuskova E. How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? // *Journal of Health Psychology*. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1359105320962266> (дата обращения: 01.04.2021).
22. Lobato E., Powell M., Padilla L., Holbrook C. Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 566108. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566108
23. Sternisko A., Cichocka A., Cislak A., Van Bavel J.J. Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/4c6av
24. Farias J.E.M., Pilati R. COVID-19 as an undesirable Political Issue: Conspiracy Beliefs and Political Partisanship Predict Adherence to Sanitary Measures // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/97gn4
25. Teovanovic P., Lukic P., Zupan Z., Lazic A., Ninkovic M., Zezelj I. Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic // *Applied Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 35. P. 486–496. DOI: 10.1002/acp.3770
26. Ajzenman N., Cavalcanti T., Da Mata D. More than words : Leaders' speech and risky behavior during a pandemic // *IZA Discussion Paper*. 2020. No. 14229. URL: http://iepcdg.com.br/wp-content/uploads/2020/04/ACDM_4_2020-1.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
27. Bierwaczek K., Kunst J.R., Pich O. Belief in COVID-19 Conspiracy Theories Reduces Social Distancing over Time // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 1270–1285. DOI: 10.1111/aphw.12223
28. Swami V., Barron D. Analytic thinking, rejection of coronavirus (COVID-19) conspiracy theories, and compliance with mandated social-distancing : Direct and indirect relationships in a nationally representative sample of adults in the United Kingdom // *OSF Preprints*. 2020. DOI: 10.31219/osf.io/nmx9w
29. Pummerer L., Böhm R., Lilleholt L., Winter K., Zettler I., Sassenberg K. Conspiracy theories and their societal effects during the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/y5grn
30. Imhoff R., Lamberty P. A Bioweapon or a Hoax? The Link Between Distinct Conspiracy Beliefs About the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior // *Social Psychological and Personality Science*. 2020. Vol. 11, № 8. P. 1110–1118. DOI: 10.1177/1948550620934692
31. Oleksy T., Wnuk A., Maison D., Lys A. Content matters. Different predictors and social consequences of general and government-related conspiracy theories on COVID-19 // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168, № 1. Art. 110289. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110289
32. Marinthe G., Brown G., Delouvée S., Jolley D. Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk and COVID-19 prevention measures // *British Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25. P. 957–980. DOI: 10.1111/bjhp.12449
33. Plohl N., Musil B. Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science // *Psychology, Health & Medicine*. 2021. Vol. 26, № 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/13548506.2020.1772988

34. Lewandowsky S., van der Linden S. Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking // *European Review of Social Psychology*. 2021. DOI: 10.1080/10463283.2021.1876983
35. van der Linden S., Roozenbeek J., Compton J. Inoculating Against Fake News About COVID-19 // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 566790. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566790
36. Chan M.P.S., Jones C.R., Hall Jamieson K., Albarracín D. Debunking: A meta-analysis of the psychological efficacy of messages countering misinformation // *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. P. 1531–1546.
37. Walter N., Murphy S.T. How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation // *Communication Monographs*. 2018. Vol. 85. P. 423–441.
38. Walter N., Tukachinsky R. A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? // *Communication Research*. 2020. Vol. 47, № 2. P. 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600
39. Cappella J.N., Maloney E., Ophir Y., Brennan E. Interventions to correct misinformation about tobacco products // *Tobacco Regulatory Science*. 2015. Vol. 1. P. 186–197.
40. Ecker U.K., Lewandowsky S., Cheung C.S., Maybery M.T. He did it! She did it! No, she did not! Multiple causal explanations and the continued influence of misinformation // *Journal of Memory and Language*. 2015. Vol. 85. P. 101–115.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 января 2021 г.

COVID-19 Pandemic and Conspiracy Beliefs: Psychological Antecedents, Consequences, Possibilities for Correction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 156–163.

DOI: 10.17223/15617793/467/19

Mikhail G. Myagkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: myagkov@skoltech.ru

Tina A. Kubrak, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kubrak.tina@gmail.com

Vladislav V. Latynov, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation) E-mail: vladlat5@lenta.ru

Yulia O. Mundrievskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: muo@data.tsu.ru

Keywords: conspiracy beliefs; conspiracy theories; COVID-19; pandemic; misinformation; social distancing.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-04-60301.

The coronavirus pandemic is accompanied by the active introduction of conspiracy theories into the mass consciousness, that is, concepts that explain the causes and extent of the pandemic by the action of certain groups of people. The article discusses three main questions: what factors provoke the appearance of conspiracy beliefs in people; how these beliefs affect behavior related to the coronavirus pandemic; how to counter conspiracy theories.

A person's acceptance of conspiracy beliefs related to COVID-19 is facilitated by a variety of socio-demographic and psychological factors: gender, age, educational level, financial situation, current psychological state of a person; one's stable individual psychological characteristics (personality traits, worldview beliefs, style of thinking, features of the cognitive sphere and attitudes); features of social identity. Conspiracy beliefs about COVID-19 affect various behavioral responses associated with the pandemic: compliance with hygiene and social distancing norms, purchasing behavior, adherence to pseudoscientific practices for the prevention and treatment of coronavirus infection. The specificity of the influence of various types of conspiracy beliefs on people's behavior associated with the pandemic was found. Some types of conspiracy beliefs are more likely to inhibit the implementation of prevention recommendations than others. This indicates that conspiracy beliefs should not be viewed as a whole, but in a differentiated way. The influence of conspiracy beliefs on following "anti-COVID" recommendations is mediated by intermediate variables such as a subjective assessment of the danger of COVID-19, trust in science, and a sense of helplessness. Two main strategies for countering conspiracy theories have been identified: preventive, implemented before the appearance of conspiracy information, and reactive, carried out after information about such theories appears in the media and social networks. Various options for implementing a preventive strategy are considered: limiting the dissemination of information about COVID-19 conspiracy theories, preventive refutation of such theories, and the formation of skills in people to detect inaccurate information. The factors of the effectiveness of the reactive countermeasure strategy are considered: the type of tactics for refuting the conspiracy theory, characteristics of the source of inaccurate information about the theory, the structure of the refuting message, the frequency of repetition of inaccurate information and the time elapsed between its appearance and refutation, the degree and direction of the recipient's cognitive activity, their views and beliefs.

REFERENCES

1. Uscinski, J.E. et al. (2020) Why do people believe COVID-19 conspiracy theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 1 (3). [Online] Available from: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/why-do-people-believe-covid-19-conspiracy-theories/> (Accessed: 01.04.2021).
2. Levada.ru. (2021) *Koronavirus: vaksina i proiskhozhdenie virusa* [Coronavirus: the vaccine and the origin of the virus]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaksina-i-proiskhozhdenie-virusa/> (Accessed: 01.04.2021).
3. Jiang, J. et al. (2020) Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States. *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2 (3. pp. 200–211. DOI: 10.1002/hbe2.202
4. Pennycook, G. et al. (2020) Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention. *Psychological Science*. 31 (7). pp. 770–780. DOI: 10.1177/0956797620939054
5. Matsuta, V.V. et al. (2020) Analysis of the text content of deviant online communities (on the example of school shooting communities). *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 90–101. [Online] Available from: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Matsuta.pdf> (Accessed: 01.04.2021). (In Russian).
6. Myagkov, M. et al. (2019) Distinguishing features of the activity of extreme right groups under conditions of state counteraction to online extremism in Russia. *Region: Regional studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 8 (1). pp. 41–74. DOI: 10.1353/reg.2019.0002
7. Myagkov, M. et al. (2019) A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 13 (4). pp. 425–447. DOI: 1177/1750635219846028
8. Freeman, D. et al. (2020) Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England. *Psychological Medicine*. 50. pp. 1–30. DOI: 10.1017/S0033291720001890

9. Earnshaw, V.A. et al. (2020) COVID-19 conspiracy beliefs, health behaviors, and policy support. *Translational Behavioral Medicine*. 10 (4). pp. 850–856. DOI: 10.1093/tbm/ibaa090
10. van Mulukom, V. (2020) *The Role of Trust and Information in Adherence to Protective Behaviors and Conspiracy Belief during the COVID-19 Pandemic*. PsyArXiv Preprints. [Online] Available from: <https://psyarxiv.com/chy4b/> (Accessed: 01.04.2021).
11. Alper, S., Bayrak, F. & Yilmaz, O. (2020) Psychological Correlates of COVID-19 Conspiracy Beliefs and Preventive Measures: Evidence from Turkey. *Current Psychology*. [Online] Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-020-00903-0> (Accessed: 01.04.2021).
12. Cassese, E.C., Farhart, C.E. & Miller, J.M. (2020) Gender differences in COVID-19 conspiracy theory beliefs. *Politics & Gender*. 16 (4). pp. 1009–1018. DOI: 10.1017/s1743923x20000409
13. Biddlestone, M., Green, R. & Douglas, K. (2020) Cultural orientation, power, belief in conspiracy theories, and intentions to reduce the spread of COVID-19. *British Journal of Social Psychology*. 59 (3). pp. 663–673. DOI: 10.1111/bjso.12397
14. Srol, J., Mikuskova, E.B. & Cavojoja, V. (2020) *When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/f9e6p
15. van Prooijen, J.-W. & Douglas, K.M. (2017) Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Memory Studies*. 10 (3). pp. 323–333.
16. Lazarevic, L. et al. (2020) *What drives us to be (ir)responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles and conspiracy mentality*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/cgeuv
17. Kay, C.S. (2020) *Predicting COVID-19 conspiracist ideation from the Dark Tetrad traits*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/j3m2y
18. Jovančević, A. & Milisević, N. (2020) Optimism-pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID-19 related behavior – A cross-cultural study. *Personality and Individual Differences*. 167. Art. No. 110216. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110216
19. Lobato, E., Mendoza, J., Sims, V. & Chin, M. (2014) Examining the relationship between conspiracy theories, paranormal beliefs, and pseudoscience acceptance among a university population. *Applied Cognitive Psychology*. 28 (5). pp. 617–625. DOI: 10.1002/acp.3042
20. Nestik, T.A., Deyneka, O.S. & Maksimenko, A.A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 11 (4). pp. 87–104. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.20201100407
21. Cavojoja, V., Srol, J. & Ballova Mikuskova, E. (2020) How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? *Journal of Health Psychology*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1359105320962266> (Accessed: 01.04.2021).
22. Lobato, E., Powell, M., Padilla, L. & Holbrook, C. (2020) Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 566108. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566108
23. Sternisko, A., Cichocka, A., Cislak, A. & Van Bavel, J.J. (2020) *Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/4c6av
24. Farias, J.E.M. & Pilati, R. (2020) *COVID-19 as an undesirable Political Issue: Conspiracy Beliefs and Political Partisanship Predict Adherence to Sanitary Measures*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/97gn4
25. Teovanovic, P. et al. (2021) Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic. *Applied Cognitive Psychology*. 35. pp. 486–496. DOI: 10.1002/acp.3770
26. Ajzenman, N., Cavalcanti, T. & Da Mata, D. (2020) More than words: Leaders' speech and risky behavior during a pandemic. *IZA Discussion Paper*. No. 14229. [Online] Available from: http://iepecdg.com.br/wp-content/uploads/2020/04/ACDM_4_2020-1.pdf (Accessed: 01.04.2021).
27. Bierwaczon, K., Kunst, J.R. & Pich, O. (2020) Belief in COVID-19 Conspiracy Theories Reduces Social Distancing over Time. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 12 (4). pp. 1270–1285. DOI: 10.1111/aphw.12223
28. Swami, V. & Barron, D. (2020) *Analytic thinking, rejection of coronavirus (COVID-19) conspiracy theories, and compliance with mandated social-distancing: Direct and indirect relationships in a nationally representative sample of adults in the United Kingdom*. OSF Preprints. DOI: 10.31219/osf.io/nmx9w
29. Pummerer, L. et al. (2020) *Conspiracy theories and their societal effects during the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/y5gm
30. Imhoff, R. & Lamberty, P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link Between Distinct Conspiracy Beliefs About the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science*. 11 (8). pp. 1110–1118. DOI: 10.1177/1948550620934692
31. Oleksy, T., Wnuk, A., Maison, D. & Lys, A. (2021) Content matters. Different predictors and social consequences of general and government-related conspiracy theories on COVID-19. *Personality and Individual Differences*. 168 (1). Art. No. 110289. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110289
32. Marinthe, G., Brown, G., Delouvé, S. & Jolley, D. (2020) Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk and COVID-19 prevention measures. *British Journal of Health Psychology*. 25. pp. 957–980. DOI: 10.1111/bjhp.12449
33. Plohl, N. & Musil, B. (2021) Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science. *Psychology, Health & Medicine*. 26 (1). pp. 1–12. DOI: 10.1080/13548506.2020.1772988
34. Lewandowsky, S. & van der Linden, S. (2021) Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking. *European Review of Social Psychology*. DOI: 10.1080/10463283.2021.1876983
35. van der Linden, S., Roozenbeek, J. & Compton, J. (2020) Inoculating Against Fake News About COVID-19. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 566790. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566790
36. Chan, M.P.S., Jones, C.R., Hall Jamieson, K. & Albarracín, D. (2017) Debunking: A meta-analysis of the psychological efficacy of messages countering misinformation. *Psychological Science*. 28. pp. 1531–1546.
37. Walter, N. & Murphy, S.T. (2018) How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation. *Communication Monographs*. 85. pp. 423–441.
38. Walter, N. & Tukachinsky, R. (2020) A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? *Communication Research*. 47 (2). pp. 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600
39. Cappella, J.N., Maloney, E., Ophir, Y. & Brennan, E. (2015) Interventions to correct misinformation about tobacco products. *Tobacco Regulatory Science*. 1. pp. 186–197.
40. Ecker, U.K., Lewandowsky, S., Cheung, C.S. & Maybery, M.T. (2015) He did it! She did it! No, she did not! Multiple causal explanations and the continued influence of misinformation. *Journal of Memory and Language*. 85. pp. 101–115.

Received: 19 January 2021